

ДЕТИ
ВОЙНЫ

Валентин ЖУКОВ

УЗНИКУ
«ЛАДЕМЮЛЕ»,
ИЛИ
597 ДНЕЙ НЕВОЛИ

Валентин Жуков
Узники Ладемюле,
или 597 дней неволи
Серия «Дети войны»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22302297

Узники «Ладемюле», или 597 дней неволи / Валентин Жуков:

Издательство «Четыре четверти»; Минск; 2011

ISBN 978-985-6981-29-9

Аннотация

Грянула как гром с ясного неба война и как лавина, сорвавшаяся с горных вершин, опрокинула юношеские надежды и задумки.

Валентин Жуков – один из очевидцев событий Великой Отечественной войны, которые могут рассказать о них новому поколению. Его книга содержит дневниковые записи, рассказывающие о трудностях военного времени и о тяжелых для юноши испытаниях, через которые пришлось пройти самому автору.

Содержание

Запретный плод всегда сладок	11
Мы приобщаемся к фотографии	12
Поговорим о близких	15
Беда не ходит одна	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Валентин Жуков

Узники «Ладемюле», или 597 дней неволи

Документальная повесть

© Жуков В. И., 2011

© Оформление. Издательство «Четыре четверти», 2016

Май бушевал неистовым цветением садов, источавших свежий пряный аромат лепестков яблонь, вишен и слив. В цветах, покинув свои восковые кельи, по словам поэта, усердно хлопотали вечные труженицы – пчелы. Высоко в небе над зеленеющими полями озими, радуясь теплу и солнцу, заливались веселой трелью жаворонки, возвестившие своим пением окончательный приход весны. Май – это время цветения ландышей, целые плантации которых украшали лесные поляны. Девочки старших классов уже приносили букетики этих скромных, необычайно нежных цветов и ставили их в стаканах с водой на учительский стол. Даже самая строгая и педантичная учительница немецкого языка Рахиль Иосифовна Хазанова не могла удержаться от улыбки при виде этого лесного чуда, стоявшего на столе. Солнце постепенно набирало силу, листья вовсю вылезали из почек, и все в

природе радовалось и ликовало.

Май нравится мне больше всех месяцев в году за это чудо обновления в природе. Ничто еще не портит зеленую листву и девственную траву. Все так свежо, так чисто и так зелено. Что и говорить – люблю я весну с глубокими лужами, теплом и молодой травой. Она прямо на глазах поднимается густой щетиной, прокалывая зелеными острыми щетинками жухлую прошлогоднюю листву.

Крестьяне не запаздывали с посадкой картофеля, ибо земля достаточно прогрелась под благодатными ласковыми лучами солнца. От нее по утрам поднимался легкий матовый дымчатый пар. Солнечные зайчики весело купались в лужах при легком дуновении ветра. Солнце рассеяло редкий утренний туман и теперь щедро посылало свое тепло на землю. Густо зеленый ковер озимых на полях обещал богатый урожай. Липы на школьной аллее уже расправили свою клейкую листву. Шла весна тысяча девятьсот сорок первого года.

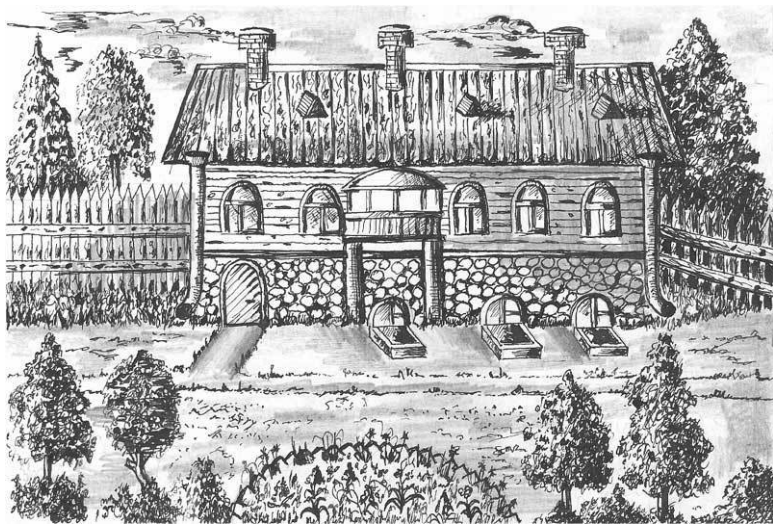
Звонок школьного сторожа возвестил о большой перемене. И мы дружно высыпали на уже подсохшую спортплощадку, где нас ожидали лестницы, канаты, перекладины, параллельные брусья и прочая спортивная атрибутика. Здесь мы давали волю своим обезьяньим способностям – карабкались по пеньковому канату до самого верха, поднимались на руках по наклонной лестнице, ходили, поддерживая равновесие по буму, раскачивались на параллельных брусьях. Да что мы только не выделывали на площадке! И все это сопровож-

далось веселым шумом и визгом, пока звонок не возвращал нас всех в классы, где мы шумно рассаживались по своим местам. Разгоряченные играми, мы не сразу входили в образы прилежных учеников. Подходило время выпускных экзаменов в седьмых и десятых классах, и мы должны были держать марку образцовой школы.

Об истории школы надо рассказать особо. Наша образцовая Костыревская средняя школа размещалась в бывшей усадьбе столбового дворянина помещика Шубинского. Чтобы не быть свидетелем разграбления своего гнезда большевиками во время революции, хозяин усадьбы, захватив с собою сбережения и фамильные драгоценности, в спешном порядке в 1918 году укатил на Запад. Его кучер – житель деревни Костыри – Савостин Емельян Никитович, который некогда горделиво восседал на козлах барской коляски, запряженной тройкой лошадей, дожил до глубокой старости и всячески кичился своей бывшей должностью. Имение представляло собой двухэтажный дом с небольшим балконом и четырьмя колоннами по фасаду, полуподвальным первым этажом и вторым этажом, обшитым деревом.

Перед домом – площадка, обрамленная по периметру липовой аллеей, а в центре – огромная клумба с кустами роз и цветниками. На территории имения были хозяйственные постройки – молочная ферма, хлев, где содержались крупные рогатые животные, свиноферма с элитными породистыми йоркширскими парнокопытными, сарай, где хранился корм

на зимний период для многочисленного стада коров и лошадей. В кладовых хранили запасы зерна, а в погребе держали скоропортящиеся продукты и разнообразные напитки. В старину эти хозяйственные постройки при имении называли Мызой.

Костыревская средняя школа в бывшем имении помещика Шубинского

А в народе поселок, где обитали дворовые и крестьяне, был назван Мызгой. В мызе перерабатывали молоко от многочисленного стада – сливки, масло, творог, сыры подава-

лись к барскому столу. Подавались и мясные изделия от парнокопытных элитной йоркширской породы. Позади дома был в несколько гектаров фруктовый сад с отборными деревьями, который остался целым и невредимым до нашего времени и стал школьным садом. Здесь нашлось место для таких сортов, как: джонатан, штрейфлинг, белый налив, малиновый ранет. Садовников помещик выписывал из Польши.

Улицы, дома, заводы и фабрики и всякая недвижимость, как и люди, претерпевают в своей жизни разные темные и светлые времена. Так произошло и с бывшим панским имением. Оставшееся в доме помещичье имущество и живность на скотном дворе быстро разграбили местные жители, но вселиться в барский дом пока никто не посмел, так как побаивались местной власти в лице Комитета бедноты. Но тут как раз прибыли переселенцы из голодного Поволжья. Они прибывали сюда целыми семьями, покинув родные края, где свирепствовал неумолимый голод от неурожая. Комитет бедноты предоставил некоторым семьям второй этаж помещичьего дома. А на первом, в полуподвальном помещении, с чьей-то легкой руки решили открыть животноводческую коммуно-свиноферму. Туда же водворили экспроприированных парнокопытных, которых крестьяне поселка приобщили к своему личному хозяйству. Для организации сельскохозяйственной коммуны из Петрограда в Смоленскую губернию был откомандирован заворовавшийся начальник Отдела международных связей аппарата революци-

онного терроризма Коминтерна Давид Самуйлович Бейко, старый коммунист и член ЦК компартии Латвии. К его рукам прилипало немало денежных средств, поступивших в Международную организацию помощи борцам революции (МОПР). Переселенцы – голь перекатная – не имели ни малейшего представления и понятия о животноводстве. Своих домашних животных не держали и, конечно, не знали правил ухода за ними, но зато обладали природной ленью и махровой бесхозяйственностью. Местные жители окрестили их из-за странного говора «зюзюками», а поселок, где их разместили, вместо Мызги стали называть Зюзюковкой. С тех памятных пор это название так и осталась, хотя поселок сразу после революции получил новое громкое имя Октябрь. Но в народе оно не прижилось.

После провала коммуны местные власти, ничтоже-сумняшиеся, приняли новое решение: открыть в усадьбе школу – десятилетку, ибо в деревне Костыри была только начальная четырехклассная школа. Однако предварительно нужно было бы найти такого мифологического героя, как Геракл, а без него к очистке свинарника было привлечено местное население и, естественно, переселенцы. После фундаментального ремонта помещение было приведено в божеский вид. Были завезены новенькие парты, столы и другое школьное оборудование. Приглашены преподаватели из Смоленска, и прозвенел первый звонок, возвестивший начало школьной жизни. Этот очаг просвещения привлек учеников из двадцати

деревень Костыревского сельсовета. В 1936 году отделом народного образования Смоленской (в то время Западной) области школе было присвоено звание образцовой, и мы аккуратно выводили на обложках наших тетрадей эту почетную аббревиатуру «Костыревская ОСШ».

Запретный плод всегда сладок

Когда помещичий сад перешел во владение школы, директор пригласил сторожа, который ревностно оберегал его. Осенью он аккуратно убирал засохшие ветви и сучья, а весной обмазывал стволы смесью глины и извести. На вооружении сторожа была малокалиберная винтовка ТОЗ-8 и данная ему в помощницы звягливая дворняжка, которая не давала покоя непрошенным гостям. Мы не раз совершали набеги, как те неразумные хазары, на сад, где уже созревали белый налив и апорт, хотя эта акция несла в себе изрядную долю риска, поскольку там постоянно находился сторож и его нервозная помощница, возвещавшая своим визгливым лаем о наличии инородного объекта на территории. Тут уж надо было перелезть через высокий досчатый забор и давать волю ногам. Если кто-либо застревал на этом маршруте, сторож опытным движением стаскивал с него штанишки и методично обрабатывал ему заднюю часть заранее заготовленным букетом самой жгучей и свежей крапивы. После такой обработки пострадавший в течение недели не мог прямо сидеть за партой, а если кто-либо из нас произносил слово «яблоко», у него невыносимо начинала чесаться задница, что он не находил себе места.

Мы приобщаемся к фотографии

В один из весенних дней 1940 года учитель физики Семен Антонович Филиппов, которого мы между собой называли «хромым» (у него была ампутирована голень, и он пользовался протезом) предложил организовать кружок фотографии. Несколько ребят из нашего класса, и я в том числе, записались в кружок. Подолгу после уроков мы пилили и строгали планки и дощечки для камеры фотоаппарата, склеивали детали короба столярным клеем, натирали влажным речным песком куски оконного стекла, чтобы сделать его матовым. Затем выпрашивали у родителей деньги для покупки линз, кассет с фотопластинками, фотоматериалов: бумаги «Унибром», проявителя, закрепителя.

Потом, обычно после съемок своих родителей, мы забирались под кровать, завесив ее плотным лоскутным одеялом. Там при свете фонаря «Летучая мышь» с закрашенным красной гуашью стеклом мы священнодействовали, проявляя пластинки и печатая с негативов фотографии. Снимки получались грязно-коричневыми или вовсе темными, на них трудно было распознать отснятый объект.

Иногда к открытому окну нашего полуподвального класса подходила жена учителя и восклицала: «Сеня! Брось ты эту затею. Ничего у вас не получится». А он с досадой ей в ответ: «Нюра! Не пророчь!» Потом мы изображали эту сценку

перед своими одноклассниками, приводя их в неописуемый восторг.

Что мне еще помнится: объясняя траекторию полета артиллерийского снаряда, учитель громким голосом вещал: «Немцы – люди умные!» – При этом поднимал указательный палец кверху. – «Они устанавливали свои дальнобойные орудия под 45° и во время Первой мировой войны обстреливали побережье Англии!»

Ну, а кем стал наш наставник во время войны на оккупированной территории, я расскажу несколько позже в соответствующем месте и подходящем для этого времени.

Пятые-седьмые классы разместились на первом полуподвальном этаже, где окна наполовину были ниже уровня земли. Старшие классы заняли светлые просторные помещения на втором этаже. Там был большой зал с балконом. На большой перемене в зале устраивались игры. Школьные праздники, собрания как школьные, так и родительские также проходили там. Должен сказать, что у нас не существовало неприязни между младшими и старшими классами, не было высокомерного презрения со стороны старших.

Сразу после окончания семилетки в июне 1940 года мы вдвоем с одноклассником Михаилом Ивановым подали заявления, заимствованные из объявлений в областной газете «Рабочий путь», в Тбилисский архитектурно-строительный техникум.

Мой приятель, как и все мальчишки в классе, носил клич-

ку, и довольно меткую – «Сися». А прозвали его так потому, что он имел пухлые щеки, напоминавшие женские груди. Казалось, приставь к ним соски, и получилась бы полная имитация этой женской принадлежности. Но как бы там ни было, а в классе он был отличником по всем предметам, хотя воспитывался без отца. Из Тбилиси нам прислали вызов прибыть для сдачи вступительных экзаменов в техникум. Моя мать Елизавета Ивановна тут же отговорила меня от поездки, как она выражалась «на чужбину», приведя очень аргументированный довод: «Ты можешь закончить десятилетку сидя у себя на печи». Мой друг отбыл в столицу Грузии, где его и застала война. Мы встретились с ним лишь летом 1963 года. Он в чине майора интендантской службы после женитьбы на сестре моей первой жены Нине появился в нашей деревне, так как здесь жили ее родители. Он забрал ее из участковой больницы в Караганде, где она работала терапевтом, и, применив военно-тактический прием, передислоцировал ее из Казахстана во Фрязино (Московская область), где ему от военного ведомства была зафрахтована квартира. Мне же была уготована иная участь, и десятилетку я закончил не у себя на печи, а в вечерней школе № 15 в поселке Слепянка под Минском в 1955 году. Но до этого времени было очень и очень далеко. И за эти годы произошло много других событий.

Поговорим о близких

Брат мой Николай в школьные годы проявил недюжинные способности к рисованию. Уже в седьмом классе его рисунки были представлены на областной выставке школьного творчества и занимали не последнее место. На семейном совете было решено, что Николай поступит в Витебское художественное училище. Туда он обратился с письмом, запросив, какие документы нужны для поступления. Ответ был на белорусском языке, в котором он ничего не смыслил, и он просто испугался, думая, что преподавание будет вестись на белорусском языке, и оставил эту затею. Он поступил в железнодорожный техникум в г. Рославле, что в 25 километрах от нашей деревни, и успешно закончил его в июне 1941 года. Получил диплом техника-механика вагонного хозяйства и направление в гомельское депо.

А война уже была в самом разгаре. Немцы совершали варварские налеты на Брест, Минск, Могилев, Гомель и другие города Белоруссии. Выехав на место назначения, брат попал в самое пекло, угодив под воздушный налет. Очнулся в санитарном поезде, который шел в Куйбышев. В городе на Волге, поправив в госпитале свое здоровье после контузии, он был призван в Действующую армию и направлен на курсы радистов. Прямо с курсов он был откомандирован в танковую часть и как стрелок-радист направлен в танк командующе-

го дивизией. С тех пор до светлого Дня Победы он участвовал в боях, был четырежды ранен, обожжен на огненной дуге легендарной Прохоровки и многократно награжден. Войну закончил в поверженном Берлине, оставив свою подпись на одной из колонн рейхстага. В день отъезда Николая в Гомель я упрямо настаивал, что добровольно уйду на фронт, хотя мой возраст далеко не дотягивал до призывного. Брат доказывал, что меня ни в коем случае не призовут, а мать нельзя оставлять.

Мой брат-танкист

Теперь попробую вспомнить первые дни войны. Как только была объявлена мобилизация, буквально на следующий день с восходом солнца меня разбудил стуком в окно колхозный бригадир и велел пойти в сельсовет, куда уже собрались мои сверстники. Здесь нам объявили, что дадут лошадей, и раздали повестки для призыва на фронт и список деревень, куда мы должны их доставить. 24 июня снова мы были подняты бригадиром, который распорядился следовать на конюшню, где нам раздали веревочные оброти. Лошади, которые поступили в наше распоряжение, были отнюдь не первой категории, (добрые лошадки были призваны на фронт) а худые клячи достались нам по принципу: «На тебе, боже, что нам не гоже». Мы уселись на кости наших подопечных и разъехались по указанным нам адресам. Как только мы заходили в крестьянскую избу и вручали повестки, в семье раздавались крики и плач близких. Мы понимали и разделяли их горе, и в один день повзрослели.

С мамой мы пока оставались вдвоем. Отец, работавший на лесозаготовках в Кемеровской области, оттуда и был призван в действующую армию.

Старшая сестра моя Наташа окончила Костыревскую десятилетку и поступила в Рославльское педучилище, которое готовило воспитателей детских площадок – детских садов, которых в то время и в помине не было, и учителей начальных классов. После двухлетнего обучения ее направили на практику в одну из сельских школ Дятьковского района Ор-

ловской области. О своей практике и впечатлениях от увиденного там, в незнакомом краю с его обычаями, нравами и своеобразной одеждой, которую носили женщины, она с интересом писала нам в письмах. Ее, конечно, интересовали и женские национальные костюмы, отличные от одежд других областей и районов – особенно традиционные поневы – юбки особого покроя из грубой шерстяной ткани. Сам орловский говор, диалект и акцент сильно отличался от смоленского. И все то, что окружало молодую учительницу, было ей чрезвычайно интересно. После трехмесячной практики она вернулась в деревню, стала готовиться к поступлению в Смоленский пединститут и с успехом сдала вступительные экзамены на факультет истории и географии. Наташа еще была в Смоленске, когда началась война. Смоленск подвергся жестокой бомбардировке. О каком-либо транспорте, чтобы добраться домой, не могло быть и речи. Итак, ей пришлось разделить судьбу беженцев из западных областей и вместе с отступающими войсками брести в направлении города Рославля по Варшавскому шоссе.

После изнурительного пешего перехода, длившегося 10 дней, едва держась на ногах, сестра возвратилась домой исхудавшая, с почерневшим лицом, изможденная от голода. Наташу подстерегала дома еще одна беда. Молодая женщина из беженцев с грудным ребенком на руках попросила ее присмотреть за малышом, пока она сходит в соседнюю деревню достать что-либо из продуктов и молока для ребенка.

А ребенок только что перенес сыпной тиф, о чем мама его, наверное, не подозревала. И сестрица моя вскоре слегла в постель. Вначале покрылась сыпью, горела от высокой температуры, мучилась от головной боли и неопишуемого бреда. Причем бред у нее был связан с предметами, которые ей пришлось изучать в институте на первых двух курсах – она совершала кругосветное путешествие на парусном корабле Магеллана, вела научную беседу с Аристотелем, вступала в полемику с Гегелем и Фейербахом, металась в бессознательном состоянии по кровати, пыталась влезть на стенку. Медицинскую помощь, по просьбе матери, ей оказывал местный фельдшер Павел Онуфриевич Базеев, бывший в первую мировую батальонным фельдшером и по возрасту не призванный на фронт. Здесь в здравпункте деревни он присматривал за ранеными немецкими солдатами, и кое-что заимствовал из их лекарств для моей сестры. А это были немудреные препараты – камфара и кофеин, которые он и приходил вводить больной. В качестве гонорара он получал кринку молока (жил один, двое его сыновей были на фронте, а жена умерла накануне войны). Мать не разрешала мне даже близко подходить к сестре. Но разве я мог не подойти к ней, когда она просила воды или молока? По совету фельдшера я простыми домашними ножницами остриг Наташе неровными прядями, обезобразив ее до неузнаваемости. Так лучше было обрабатывать голову, чтобы там не заводились вши – переносчики сыпного тифа.

Наташа еще не успела как следует встать на ноги, как в постель слегла мать, и мне пришлось ухаживать уже за обеими. А помогал все тот же фельдшер. Доить нашу корову я попросил соседку тетю Нюру, которая неплохо справлялась с этой обязанностью. Раненых немецких солдат отправили в немецкий госпиталь на долечивание, а в здравпункт поместили группу советских раненых солдат под присмотр фельдшера. Местным жителям немцы разрешили приносить продукты (хлеб и молоко), и сестра, уже поправившись, ежедневно посещала раненых. В один из визитов ее подозвал раненый (немецкий часовой, охранявший их, стоял у входа за дверью) и шепотом рассказал, что он офицер-летчик и у него при себе есть пистолет. Если немцы вдруг обнаружат его, то им не сдобровать – их всех расстреляют. Наташа, принеся молоко в крынке, не стала его полностью выливать в посуду раненого и погрузила пистолет на дно крынки, прикрыв ее платком. Часовой не стал проверять содержимое ее посуды, и она благополучно вынесла поклажу. Придя домой, ни слова не говоря мне, завернула пистолет в пропитанную машинным маслом тряпку, залезла под хату (благо там было достаточно места) и закопала его в землю. Об этом она рассказала мне лишь через год, когда я уходил в партизанский отряд.

Бедá не ходит одна

Сразу же после объявления всеобщей мобилизации из всех колхозных ферм Белоруссии на Восток угоняли скот – это были огромные стада коров, которых сопровождали животноводы и пастухи. Выдоить такую массу животных им было не под силу. Многие животные сильно страдали от боли. От родных пастбищ и мест водопоя, своевременной дойки, нормального ухода, пастухи и животноводы гнали скот от восхода до захода солнца, а потом выбирали удобное место для ночлега. Сами они устраивались на ночь рядом со стадом прямо на земле. Когда стадо проходило проселочными дорогами, густая пыль поднималась тучей кверху, закрывая солнце. От стада пахло парным молоком, потом, навозом. Слышался истошный рев, жалобное мычание давно не доенных коров, окрики погонщиков на коров, ушедших в сторону от стада, звуки щелканья кнутов и ударов, сыпавшихся на спины бедных животных. Все это сливалось в нестройные и далеко не музыкальные звуки. Колхозный скот был преимущественно из Мстиславского, Кричевского и Чериковского районов Белоруссии, соседствующих со Смоленской областью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.